

АЛЕКСАНДР Вампилов. Слышу это имя и всякий раз мысленно переношусь в далекий уже теперь 1965 год, на московскую улицу имени Добролюбова. Два года жили мы с Сашей на седьмом этаже дома № 9/11 в общежитии Литературного института имени А. М. Горького. Правда, каждый имел отдельную комнату, но часенко заглядывали друг к другу в гости. Мы стряпали на общей кухне, постоянно сталкивались в коридоре, а по утрам тряслись в людской толчее троллейбуса № 3. Выскакивали из него в центре, возле кинотеатра «Россия». Перебегали улицу Горького и неслись вниз по Тверскому бульвару, чтобы успеть к началу занятий на Высших литературных курсах Союза писателей СССР...

Более двадцати лет прошло с тех пор. И вот уже семнадцать лет, как нет среди нас Саши Вампилова. Пишу эти строки и досаду, что не вел в свое время дневниковых записей о нашей учебе и житье-бытье в столице. Как были бы они кстати сейчас, те заметки!

Может, понадеялся на память? Нет, тут другое. Просто мы порой относимся к жизни и тому, что нас окружает, несколько равнодушно и беззаботно. Живем, дружим — и слава богу! А что станет потом... Собственно, кто мог тогда подумать, что Саня Вампилов — самый молодой из нас, полный сил и пышущий здоровьем — уйдет из жизни раньше других? Что не ему о нас, а нам, старикам, придется писать воспоминания?

Каким он был в годы московской учебы? Помню его обаятельным парнем, улыбчивым, общительным и на дружбу отзывчивым. Саша себя никому не навязывал, жил, как говорится, тихо и мирно. Ладил со всеми, врагов не имел. А ведь случались на курсах и «драчки». Но Вампилов, по складу характера и простоте душевной, в них не вступал. Конечно, нельзя сказать, что он был вообще незаметен на нашем седьмом этаже. Компаний Саша не чуждался и шумных «холостяцких» застолий не избегал. Но в нем, как мне теперь кажется, хорошо было развито чувство меры. Он как-то умел вовремя остановиться, отойти от праздности. Его, видимо, всегда сильно влекло к письменному столу, к любимому делу.

Уажали Сашу и за отзывчивость. Частенько обращались к нему то за сахаром, то за макаронами или солью. Хорошо знали, что, если в его шкафу запасы съестного не иссякли, он поделится последним. Выручал однокурсников и деньгами.

В наших вечерних посиделках Саша больше любил слушать, чем говорить сам. Особое удовольствие ему доставляли всевозможные поучительные истории, курьезные и веселые случаи. Он буквально взрывался смехом, хохотал от души.

Саша был моложе меня ровно на десять лет. В год нашего знакомства ему исполнилось двадцать восемь. Разница в возрасте не помешала нам подружиться. Правда, обращаясь ко мне, он всегда употреблял модное в ту пору словцо «старик». Впрочем, тогда и молодежь величала друг друга не иначе, как стариками.

Оторванные от дома, от своих семей, размещенные в комнатах-одиночках, мы, естественно, нуждались в общении. Кроме занятий на курсах и часов, проведенных за письменными столами в общежитии, оставалось свободное время. Вот тут-то и прорывались наружу неумная энергия и фантазия. Придумывались всевозможные коллективные розыгрыши и потешки. В них неизменно участвовал и Александр Вампилов.

Как-то по весне на нашем седьмом этаже был создан крышком — крышный комитет. Членом его предписывалось ночевать только на крыше. Выбрали и редкорегион стеной газеты с весьма претенциозным названием: «На высоте». Была изготовлена самодельная круглая печать.

В крышком вступали строго по письменным заявлениям. Резолюции на них ставились бюрократическо-юмористического характера. Некоторые, например, гласили: «Принять без права приносить подushку». Или: «...без права пользоваться одеялом». Когда к одному из нас приехала в гости жена, крышком отреагировав решительным постановлением: «Несмотря на приезд к члену крышкома тов. П. собственной жены, его пребывание в комнате в ночное время категорически запретить».

Да, мы спали на крыше, если, конечно, дождь не изгонял нас с захваченной высотной территории. Притаскивали матрацы, подушки, кому они полагались по штату, и располагались в огромной корытообразной выемке, откуда свалиться было просто невозможно. У наших ног сиял безбрежный разлив миллионов огней московских площадей и улиц, совсем рядом светилась под луной Останкинская телебашня, а на нашем высотном пятачке стояли хохот и гомон. Саша тоже входил в крышком и подбрасывал многие идеи нашего чудаческого бытия. Он был большим выдумщиком.

С чьей-то легкой руки ровно в полночь на крыше проводилось чаепитие с вареньем. Очередной дежурный, ответственный за эту трапезу, кипятил и заваривал на кухне крепкий чай, доставлял на верхоуру и разливал ароматный напиток по нашим

кружкам. Словом, было чертовски весело. Крышком наш, правда, продержался «на высоте» не долго. О его существовании, ночных пиршествах прознало начальство, и на чердачной двери, через которую мы проникали к звездам, комендант общежития нацепил пудовый амбарный замок. Больше неформальных объединений на нашем этаже не возникало.

Учеба на литературных курсах давалась Саше легко. Она его просто увлекла. Впрочем, многие предметы сами по себе представляли значительный интерес. Кроме общественно-политических дисциплин, мы изучали теорию литературы, истории античной, русской, советской и зарубежной литературы. Слушали лекции о театре и драматургии, об изобразительном искусстве и искусстве кино, по истории музыки. Нам читали спецкурсы по мастерству Максима Горького, Михаила Шолохова, Сергея Есенина. По всем предметам регулярно проводились экзамены и зачеты. Саша всегда выдерживал их успешно.

Комнату, в которой жил Вампилов, мы в шутку именовали «постоянным представителем сибиряков в Москве». Его частенько навещали товарищи из Иркутска, приезжавшие в столицу по самым разнообразным поводам. Здесь бывали совсем еще тогда молодые и никому не известные литераторы Валентин Распутин, Вячеслав Шугаев, Дмитрий Сергеев, Геннадий Николаев и другие. Появлялись они в одиночку и целыми делегациями. И у Вампилова прибавлялось приятных хлопот. Он бегал по этажу, изыскивая возможность расселения своих земляков. Места, конечно, находились для всех. Слушатели курсов вы-

лей?» Многие поймут это не как просьбу, а как одолжение.

Вампилов задумался. Пробежал глазами текст. Потом перечеркнул спорную фразу и вписал новую: «Кто даст взаймы сто рублей?»

— Теперь так? — шутливо-ученическим тоном произнес собеседник и расплылся в обворожительной вампиловской улыбке. Каково же было мое удивление, когда через много лет, перечитывая книгу Вампилова «Дом окнами в поле», я снова «запнулся» о реплику Анчугина: «Тут я давеча шутки ради крикнул в окно, мол, граждане, кто займет сто рублей». «Неужели оставил как было?» Я вернулся к началу пьесы и успокоился. Здесь Анчугин кричал: «Кто даст взаймы...» При повторе Саша или забыл исправить, или решил, что все и без того ясно.

Особенно памятна мне история с гитарой. В шестидесятые годы этот замечательный инструмент пользовался исключительной популярностью среди молодежи. Бренчали кому не лень. Казалось, что по вечерам струны надрывались возле всех городских подъездов. То был воистину гитарный бум! Вполне естественно, что и мой сын-школьник загорелся мечтой иметь гитару. И, конечно же, я обратился за помощью к Вампилову:

— Слушай, Саня, купи моему сыну гитару. Просто умоляет подарить к дню рождения. Ты в них разбираешься, а мне подсунут какой-нибудь шарабан.

— Легко сказать, «купи», — улыбнулся Саша. — Этот инструмент в большом дефиците. Ну, ладно. Мне все равно нужно по магазинам помотаться.

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

ГИТАРА ВАМПИЛОВА

ручали друг друга. Сами переселялись к соседям, а комнаты оставляли гостям. Так поступал и Вампилов.

Мой родной город Владимир всего в трех часах езды на электричке от Москвы. Поэтому я частенько уезжал на выходные домой. Ключ от комнаты, как правило, оставлял у Саши. Случалось, через день-другой возвращешься поздно вечером обратно, а в комнате почивают сибиряки. Тогда стучишься к соседу и просишь приюта.

Приезд к Саше земляков был в общежитии всегда заметен. И не только шумными чаепитиями, когда людям за столом тесно, а дружбе и веселью просто. В такие дни из-за его двери доносились звуки гитары, песен. Саша играл на семиструнной вдохновенно и мастерски. Нередко и пел под собственный аккомпанемент.

Но гораздо чаще в его комнате раздавался дробный перестук пишущей машинки. Работал он много, упорно и самозабвенно. Бывало, засидимся в шумной компании допоздна. И Вампилов вместе со всеми. Разбредемся далеко за полночь. Утром на этаже полнейшая тишина. Все спят непробудным сном, а из-за Сашиной двери слышен дробный перестук. 6—7 часов утра, а он уже в трудах праведных.

Иногда одиночество ему, видимо, надоедало. Он выходил «в люди». Появлялся в телевизионном холле, спускался на лифте в бильярдную, которая находилась в подвале, или навещал товарищей.

Как-то раз Саша появился у меня с рукописью. Это было начало «Двадцати минут с ангелом».

Я углубился в чтение. То, о чем рассказывалось в пьесе, мне было знакомо. В молодости, как и Саша, я помотался по городам и весям в роли комсомольского журналиста. В гостиницах и домах крестьянина той поры выпивохи откалывали какие номера, что и в цирке не увидишь. Казалось, что многие только за тем и рвались в командировку, чтобы вдали от начальства, обретя свободу, удариться в пьяный загул. Да, в жизни это встречалось, но возьмут ли пьесу об этом к постановке?

— Ну и как? — нетерпеливо спросил Саша, когда я отложил его листочки.

— Завязка интересная. И с пьяницами все понятно, — ответил я. — Тут, как говорится, сама жизнь. А вот поступок Хомутова весьма загадочен, да и не верится в такое. Кто же свои сто рублей неизвестно на пьянку пожертвует? И еще вот что, — продолжил я. — Анчугин у тебя кричит: «Гражданин! Кто займет сто руб-

сороковую страницу и ниже своего портрета размашисто написал: «Николаю Якушеву, которого я люблю и с которым мы однажды (наконец-то!) выпьем все это до конца Вампилов».

Коля, естественно, растрогался, полез обниматься, поцеловал дарителя в щеку. Потом с философичностью читал свои стихи. И засиделись до полуночи.

Примерно дня через три Саша без стука заскочил в мою комнату и торопливо проговорил:

— Слушай, старик, ты слушаешь восьмой номер «Театра» не покупал?

— Не смог, Саня.

— Дела, — выдохнул он и выскользнул в коридор, видимо, надеясь, что в других комнатах повезет больше.

Было без слов понятно, что в тот вечер Саша отдал Якушеву последний экземпляр со своей пьесой.

Таким вот и был Александр Валентинович Вампилов. Так и жил: все — товарищам, все — людям.

Быстро промелькнули два года нашей учебы в Москве. Занятия на ВЛК закончились в июне. Мы сдали зачеты и экзамены, получили на руки свидетельства, а из отдела кадров — наши трудовые книжки с краткой строкой для биографии: «1967.06.23. Окончил ВЛК. Приказ № 127 от 8.VI.67 г.».

В последний раз слушатели, преподаватели и руководители курсов собрались все вместе в Ореховом зале ресторана «Прага». Было шумно и весело. Много шутили. Пели. Поэты читали стихи и оды, написанные специально к прощальному банкету. Он удался на славу.

Еще перед отъездом в Москву на учебу владимирские художники подарили мне несколько своих картин и этюдов.

— Повесишь в общежитии, — напутствовал в своей мастерской талантливый живописец Иван Иванович Марков, — они не дадут тебе забыть наш край владимирский, а то, чего доброго, приживешься в столице.

Все эти полотна земляков и украшали мою комнату в общежитии. Одно из них принадлежало кисти прославленного Кима Бритова, запечатлевшего центр древнего Суздаля.

— Будем разъезжаться по домам, — пообещал я Саше, — можешь выбрать и увезти в Сибирь любую картину.

— Любую?! — обрадовался Вампилов.

— Да, Любую.

Он не забыл о нашем разговоре. Примерно за день до моего отъезда Саша пришел с расставальным угощением. Выглядел усталым, но не скучным. В последнее время он подолгу пропадал из общежития. За два года жизни в Москве у него появились новые друзья и знакомые. Вот и объезжал их, прощался. Имелись у него дела в столичных издательствах и театрах.

Наш импровизированный прощальный ужин проходил на сдержанно-серьезной ноте. Без шуток и анекдотов. Расставание есть расставание. Без слез, но не без грусти.

И только уходя к себе, Саша наконец решился сказать о своем выборе:

— Можно я возьму из твоей коллекции вот этот этюд?

Теперь, когда Вампилова нет в живых, я частенько задумываюсь над вопросом: почему он выбрал именно тот? Ведь были же лучше и по сюжету, и по исполнению. Но Саша потянулся к пейзажу с перевернутыми лодками на летнем берегу у воды. Почему именно с лодками, да еще и с перевернутыми? Просто мистика какая-то! А может быть, этот кусочек холста напомнил ему родной Байкал?

После того вечера мы с Сашей больше уже никогда не видели друг друга. Впрочем, через пять лет в биографию Александра Валентиновича Вампилова вписалась не рисованная, а реальная перевернутая лодка, которую захлестнула байкальская волна...

Николай СИДОРОВ
гор. ВЛАДИМИР